

Сяо Кань был в ярости. Он схватил Сун Юя за воротник и гневно закричал:

— Разве вы не обещали мне, что не будете ни с кем другим? Что она, Ду Нуцзяо, за особа? И что за плод у неё в утробе?

— Когда я, Сун Юй, давал тебе такое обещание? — Сун Юй не мог поверить, что тот осмелился на него напасть. — В тебе осталась хоть капля уважения и приличия?

— Цзинъюнь не знает!

В сердцах Сяо Кань прижал Сун Юя к столбу, крепко удерживая его запястья над головой, и без колебаний прижался губами к его губам, безжалостно вторгаясь в его рот, всё ещё пропитанный ароматом вина.

Сун Юй оцепенел, не зная, что переполняет его больше — шок или гнев. Перед глазами он видел лишь плотно сомкнутые веки Сяо Кана и ощущал тепло их соприкосновения.

На этот раз Сяо Кань не оставил места для сомнений, действуя безрассудно, как во сне, о котором он так долго мечтал.

Но Сун Юй тоже не был простым человеком. Несмотря на опьянение, он быстро оттолкнул Сяо Кана.

Сяо Кань, пошатнувшись, отлетел к столу, сладость на губах ещё не исчезла, оставляя после себя бесконечное послевкусие.

— Сяо Цзинъюнь! Ты понимаешь, что творишь? — Сун Юй кусал губу, охваченный стыдом и гневом.

Сяо Кань прикусил нижнюю губу, его взгляд был полон невысказанных желаний. С едва заметной усмешкой он ответил:

— Что делаю? То, что Цзинъюнь больше всего хочет.

Этот ответ был как удар по голове для Сун Юя. По сравнению с предыдущими доводами, этот ответ поставил его в тупик.

— Ты! — Сун Юй покраснел до ушей. — Убирайся!

— Прошу прощения, учитель, но в этом я не намерен вас слушаться.

Сяо Кань снова бросился вперёд, обхватил Сун Юя за талию и прижал его к столбу, словно обезумев, целуя его подбородок и уши. Когда его язык коснулся серебряной серьги на ухе, он обхватил половину уха Сун Юя губами.

— Отпусти, отпусти! — Сун Юй дрожал от жара и возбуждения, забыв даже о том, как сопротивляться. — Сяо Кань!

Сяо Кань уже был как в тумане, не обращая внимания на ругань, и лишь усилил натиск, целуя его губы.

Внизу слышались звуки веселья, и Сун Юй, охваченный паникой, укусил Сяо Кана за губу. Тот, почувствовав боль, отпустил его, и Сун Юй, одним ловким движением, отбросил его на два метра.

Сун Юй смотрел на лежащего на полу Сяо Кана, дрожа от гнева.

— В память о твоём приёмном отце и наших отношениях учителя и ученика, я не стану тебя наказывать. Успокойся!

Сяо Кань, держась за живот, с искажённым лицом смотрел, как Сун Юй безжалостно уходит, и в его сердце снова вспыхнул гнев.

Спустившись с Медной башни, многие пытались уговорить Сун Юя выпить, но он, торопливо отказываясь, покинул это шумное место.

Шагая, он не знал, куда направиться.

Огромная крепость Хэйяо вдруг показалась ему местом, где негде укрыться.

Вернуться в покои Цинъюань? Там он наверняка снова столкнётся с Сяо Канем. Гуань Яо отсутствовал, и рядом не было никого, с кем можно было бы спокойно поговорить.

Однако, вспомнив о Гуань Яо, Сун Юй решил укрыться в его бамбуковой хижине.

Но когда он добрался туда, ещё не поднявшись по каменным ступеням, увидел свет в окнах.

«Когда второй брат вернулся?» — подумал Сун Юй.

Не успев разобраться, он заметил, как из хижины вышел человек, вылил таз с водой и вернулся внутрь.

Сун Юй, хоть и был слегка пьян, сразу узнал Чжао Линьцзяна. Не интересуясь, вернулся ли Гуань Яо, он вздохнул и пошёл обратно.

В конце концов, Сун Юй забрёл в отдалённый Северный лагерь и провёл ночь в медитации в Сливовой роще. Комары и мошки раздражали его, но мысль о возвращении и встрече с Сяо Канем вызывала ещё большую головную боль.

Сяо Кань искал Сун Юя повсюду, но не нашёл. В бамбуковой хижине он тоже не застал его и тихо вернулся в покои Цинъюань.

Это была долгая ночь для Сяо Кана, ведь не только Сун Юй не вернулся, но и Ду Нуцзяо исчезла.

На следующее утро Сун Юй позавтракал в столовой и прогулялся по крепости.

Сначала он осмотрел канаву у подножия Восточного лагеря, затем заглянул в финансовое управление, где бегло просмотрел счета, а потом даже обошёл длинный путь до Южного лагеря, чтобы заглянуть в богадельню Наньсян.

После всех этих хлопот наступил полдень, и Сун Юй чувствовал себя измученным. Как он мог позволить какому-то мальчишке довести его до того, что он боится вернуться домой?

Подумав, Сун Юй понял, что избежать встречи не удастся. Пообедав в столовой, он направился в покои Цинъюань.

Войдя во двор, он увидел Сяо Кана, сидящего со скрещёнными руками за столом, на котором стояла еда.

Увидев Сун Юя, Сяо Кань встал и сказал:

— Учитель, вы наконец вернулись.

Глядя на его неоднозначное выражение лица, Сун Юй почувствовал тревогу, что Сяо Кань снова что-то задумал, и решил пройти мимо него прямо в свою комнату.

— Учитель! — Сяо Кань схватил его за рукав.

Этот жест сразу насторожил Сун Юя, и он отступил на шаг.

Сяо Кань, дрожащим голосом, сказал:

— Цзиньюнь ждал вас всю ночь. Вы уже поели?

— Да, — холодно ответил Сун Юй.

— В столовой? — снова спросил Сяо Кань.

— Да, — прямо сказал Сун Юй.

Едва закончив предложение, Сун Юй уже собирался уйти, игнорируя Сяо Кана.

— Учитель! — Сяо Кань, охваченный паникой, выпалил:

— Ду Нуцзяо пропала.

Сун Юй остановился.

— Что?

— Ду Нуцзяо не вернулась прошлой ночью, — честно сказал Сяо Кань.

Это было как масло в огонь. Сун Юй, сдерживая гнев, поспешил в боковую комнату Ду Нуцзяо, где под подушкой нашёл письмо.

Он быстро вскрыл конверт и, хмурясь, внимательно прочитал.

— Учитель, где Ду Нуцзяо? — Сяо Кань, вспомнив о своём поведении прошлой ночью, почувствовал вину.

Сун Юй фыркнул, оставил письмо на столе и вышел.

Сяо Кань взял письмо и прочитал:

«Третий господин, сначала прошу прощения за мой внезапный отъезд. Затем благодарю вас и Цзиньюня за заботу. Время, проведённое с вами, было самым счастливым в моей жизни. Наконец, мой старый друг нашёл меня, и я не могу больше задерживаться. Когда-нибудь мы встретимся снова, и я обязательно отблагодарю вас. Также, пожалуйста, передайте Гуань Яо, что он тоже мой благодетель. С уважением, Ду Нуцзяо».

Сяо Кань почувствовал напряжение. Неужели он довёл Ду Нуцзяо до отъезда? В панике он бросился догонять Сун Юя.

Сун Юй шёл быстро, и когда Сяо Кань нашёл его, тот уже был у ворот крепости.

— Ушла прошлой ночью? Во сколько? С кем?

— Мы, братья, не совсем помним. Она ушла с каким-то мужчиной.

— Что она сказала? Как выглядел этот мужчина?

— Она сказала, что это её дядя из деревни. Ему было около сорока. Мы не заметили ничего подозрительного и пропустили их. Третий господин, что-то случилось?

— Ничего. Идите по своим делам.

Спросив двух стражников, Сун Юй получил одинаковые ответы и с мрачным лицом вернулся.

— Учитель, с Ду Нуцзяо всё в порядке? — Сяо Кань, с робостью в голосе, шёл за ним.

Сун Юй, не зная, откуда взялся его гнев, сказал:

— Разве это не то, чего ты хотел?

— Я! — Сяо Кань, хоть и испытывал предубеждение против Ду Нуцзяо, никогда не хотел причинить ей вреда.

Сун Юй махнул рукавом, даже не взглянув на Сяо Кана, и ушёл.

В последующие дни Сун Юй ушёл из крепости и отсутствовал семь дней.

В это время начался сезон дождей, и Сяо Кань, не зная, то ли из-за душевного смятения, то ли из-за переменчивой погоды, страдал от головной боли два дня.

Ему стало так плохо, что он решил обратиться к Чжао Линьцзяну.

Посетив лечебницу и поговорив с лекарем Чжао, Сяо Кань поднялся наверх к Чжао Линьцзяну.

Обычно они не стеснялись друг с другом, поэтому Сяо Кань вошёл без предупреждения.

Чжао Линьцзян явно был удивлён его появлением, и из его рук упал порошок.

— Цзинъюнь, что ты здесь делаешь? — Чжао Линьцзян, взглянув на него, начал собирать рассыпанный порошок.

Сяо Кань сел на пол, помогая ему собирать порошок.

— Мне нехорошо, пришёл к тебе за помощью.

— Близится праздник Дуанью, будь осторожен.

Авторская заметка: Иногда мне хочется добавить немного юмора в эту историю, как в той глупой книжке про него.